

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (А. С. Герд, Г. С. Лебедев, С.-Петербург)	5
Введение (А. С. Герд, С.-Петербург)	8

Древняя Фенноскандия

Древнейшее население Фенноскандии (В. Я. Шумкин, С.-Петербург)	17
--	----

Верхнее Поднепровье, Подвинье и Верхняя Русь как древнейшие зоны славяно-финского взаимодействия

Днепро-Двинская историко-культурная зона по данным археологии (В. А. Булкин, С.-Петербург)	25
Верхняя Русь по данным археологии и древней истории (Г. С. Лебедев, С.-Петербург)	31
Верхняя Русь в свете данных русистики (А. С. Герд, С.-Петербург)	59
История расселения на территории Верхней Руси (А. А. Селин, С.-Петербург)	72
Магистральные дороги Северо-Запада Новгородской земли в XVI–XVII вв. (А. А. Селин, С.-Петербург)	86
Верхняя Русь по данным этнографии (И. И. Шангина, Т. А. Зимина, С.-Петербург)	100
Культура вокальных мелодий-сигналов (лесных кличей) на Северо-Западе России (М. А. Лобанов, С.-Петербург)	120
Некоторые музыкально-фольклорные ареалы и границы Верхней Руси (В. А. Лапин, С.-Петербург)	132
Календарные напевы Верхнего Поднепровья и Подвинья (А. А. Гаджиева, С.-Петербург)	139
Ингерманландская историко-культурная зона в свете данных гуманитарных наук (О. И. Конькова, С.-Петербург)	188
Юго-Восточное Приладожье в свете данных археологии и письменных источников (В. А. Назаренко, А. А. Селин, С.-Петербург)	232
Юго-Восточное Приладожье по данным прибалтийско-финского языкознания (И. Муллонен, Петрозаводск)	248
Исторические границы и ареалы на территории Днепро-Двинской историко-культурной зоны и Верхней Руси по данным разных гуманитарных наук (А. С. Герд, С.-Петербург)	252

Приладожская Карелия

История населения Приладожской Карелии и области Саво с древнейших времен и до XIV в. (А. И. Сакса, С.-Петербург)	257
Валаамский и Коневский (Коневецкий) монастыри (Л. Сиилин, Йозенсуу, Финляндия)	272
Приладожская Карелия по данным этнографии (К. Хейкинен, Йозенсуу, Финляндия)	292

КУЛЬТУРА ВОКАЛЬНЫХ МЕЛОДИЙ-СИГНАЛОВ (ЛЕСНЫХ КЛИЧЕЙ) НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Не так давно на Северо-Западе России были обнаружены особые мелодии, употребляющиеся в качестве сигнала — лесного ауканья или пастушеского оклика животных. Мелодии эти представляют собой вокализы, распеваемые на гласные «у» (тогда они звучат в высоком регистре женского голоса, и об их возглашении местные жители говорят «укать» или «ухать») либо «о» или «э» (такие возглашения рассчитаны на мужской или низкий женский голос, о них местные говорят «гойкать» или «гейкать»)¹. Словесного текста данные мелодии не имеют, но нередко предваряются или прославляются словами, разъясняющими сигнальный смысл напева-вокализа: «Домой!», «Пошли!», а также именами людей или кличками животных [Лобанов 1997].

Подобные мелодии (их еще можно назвать «лесные кличи») поддаются переложению на ноты. Они являются вариантами примерно десятка «оригиналов», если так можно сказать о феноменах традиционного фольклора и народной музыки, где первоисточник недоступен непосредственному наблюдению, и любой текст есть только вариант. Образцы бестекстовых сигнальных мелодий, каждый из которых дает представление об одном из «оригиналов», приведены в Нотном приложении к настоящему очерку.

Кольцо магических представлений, плотно охватывающее мелодии-сигналы, следы этого вида народной музыки, сохранившиеся в самой разной форме в ряде жанров русского фольклора, наконец, международные параллели, которыми так богаты бестекстовые напевы северо-западной России — все это уже достаточно много говорит в пользу большого исторического возраста культуры лесных кличей, но и заставляет, вместе с тем, искать тому все новые и новые доказательства.

Одним из таких доказательств может служить географическое распространение бестекстовых мелодий. Их современная дислокация, будучи сопоставлена с границами прежних государственных или административно-территориальных образований, ареалами этносов, диалектов или археологических культур, создает возможность хронологической интерпретации — и как в случае совпадения, условно говоря, линий того и иного значения, так и в случае их несовпадения.

Далеко не все в фольклоре поддается изучению в русле метода междисциплинарного картографирования. В более выгодном положении здесь находятся жанры и мелодии узко локального распространения — и притом сохранившиеся на территориях, поименованных в письменных источниках древности и подробно исследованных археологами, специалистами по топо- и гидронимике и иным научным дисциплинам.

Теми же преимуществами в полной мере обладают и вокальные мелодии-сигналы, бытующие сегодня на Северо-Западе России и в близких ему районах Вологодской и Тверской областей — землях, на которых некогда складывалось и существовало Новгородское государство. И хотя ареал бестекстовых напевов воссоздан по современным данным — т.е. по тому, где на сегодняшний день сохранились эти напевы, — в его очертаниях присутствует многовековая обусловленность.

¹ Иногда этими же словами местные жители обозначают и обычные немusикальные выкрики пастухов или сборщиц ягод.

Лесные кличи и Новгородские пятины

Все древненовгородское территориальное ядро, которое составляли земли вокруг Ильменя и по рекам, связанным с этим озером, ареал мелодий-сигналов не охватывает. Встречаясь на правом берегу Меты, по левым притокам Мологи, в бассейнах Паши, Ояти и других рек, мелодии-кличи захватывают, таким образом, восток и северо-восток центра новгородских владений. Северо-запад, запад и юг этих земель пока не дали сведений о существовании там подобной фольклорной традиции, а западно-двинские находки этого рода касаются смоленско-полоцких владений.

Если вспомнить известное по писцовым книгам (т.е. с конца XV в.) административное деление новгородских территорий на пятины, то сегодняшний ареал сигнальных напевов прослеживается на землях бывших Бежецкой и частично Обонежской пятин, а на землях остальных трех пятин — Вотской, Шелонской и Деревской — мелодии-сигналы не встретились.

Пятины — районирование довольно позднее, произведенное после завоевания Новгорода Московским государством, «до того времени, как великий князь Иоанн III покорил Новгород... ни в каких исторических свидетельствах не встречается прямого указания на новгородские пятины» [Неволин 1853. С. 45]. Однако Уставная грамота Святослава Ольговича (1137 г.), где фигурируют Обонежский и Бежецкий ряды, показывает, что одноименные пятины были учреждены на основе более старого территориального членения новгородских земель [Там же]. Оно могло учитывать, в числе прочих факторов, и различия в этнокультурных традициях.

Лесные кличи на Бежецкой пятине

Вокальные мелодии-сигналы, бытующие в междуречье Мсты и Мологи (бывший Боровичский уезд), т.е. на землях Бежецкой пятин, представляют собой варианты двух-трех напевов (см. образцы 1–3 в Нотном приложении). Мелодии-сигналы, восходящие к этим образцам, не выходят в своем распространении за пределы названного ареала. И это свидетельствует о достаточно жестком соответствии географических и культурных данных, отразившемся в пятинном делении новгородских земель. В юго-западном направлении территория кличей не переходит на левобережный изгиб Мсты или, по прежнему делению, на Григорья Морозова половину Деревской пятин. Следовательно, здесь граница современной локальной фольклорной традиции соответствует пятинному делению земель Древнего Новгорода. Но при этом необходимо вспомнить уже отмечавшуюся подробность территориального размещения лесных кличей: непосредственно на мстинские берега, много столетий бывшие бойким местом, где проходило оживленное водное сообщение и, начиная с XI–XII вв., возникло немало торговых поселений-«рядков», вокальные мелодии-сигналы не выходят (а, может быть, с е г о д н я не выходят). Они остаются в отдалении, в 30–50 км от линии Мсты — в лесной глуши, по берегам мелких рек.

В своем распространении на север бестекстовые сигнальные напевы Мстинско-Моложского междуречья не доходят до линии рек Мды (правый приток Мсты) и Сясь, текущей уже в Ладожское озеро. По линии этих рек (местами они подходят друг к другу на расстояние всего в 7 км; некогда между ними был волок, а позднее прорыт канал) проходила граница Бежецкой пятин с Обонежской. Но она скоро сворачивала от линии Сяси на восток и шла к верхнему течению р. Колпь [Аграрная история... 1971]. Согласно данным писцовых книг,

Пограничье Бежецкой и Обонежской пятин и ареалы лесных ключей.

1 — напевы ладожско-вологодского ауканья; 2 — напевы ладожско-вологодского ауканья в вепском ареале по данным экспедиций 1991–1992 гг.; 3 — напевы Мстинско-Моложского междуречья; 4 — погосты Обонежской пятины, упоминаемые в Уставной грамоте Святослава Ольговича; 5 — погосты Обонежской пятины по писцовым книгам 1496 и 1563 гг.; 6 — погосты Бежецкой пятины по писцовой книге 1581–1583 гг.

имевшихся в распоряжении К. А. Неволлина, пограничная линия со стороны Бежецкой пятины не заходила все же за Мду и Сясь, потому что Крестеничи, Неболчи, Дрегли считались обонежскими погостами [Неволин 1853] (рисунок), хотя в XII в. погосты Обонежья еще не доходили до берегов Сяси, за исключением низовьев этой реки [Насонов 1951].

Ни в названных населенных пунктах (некоторые из них, правда, в последние десятилетия сильно разрослись за счет населения, нахлынувшего из разных мест, и фольклорная традиция в них теперь весьма размыта), ни в деревнях вокруг, где достаточно еще помнят народную музыку (д. Порог, Маяк близ Дрегли; Бор, Нижняя Лука у Крестеничей и др.), сигнальные напевы не встретились.

Таким образом, и здесь современное расположение боровичских мелодий-сигналов точно соответствует старинному пятинному районированию. Как и на Мсте, эти мелодии в районе бежецко-обонежской границы не выходят к водной артерии, когда-то оживленной, а остаются в глубине от нее на несколько десятков километров. Возможно, удаленность их от берегов Мды и Сяси объясняется в данном случае еще и тем, что Дрегли, Неболчи и Крестеничи принадлежали не к Бежецкой пятине, а к Обонежской.

Соответствие фольклорного ареала старинному административному членению исторической территории, да еще вблизи линии естественных границ по рекам, убеждает в зависимости пятинного районирования от ранее сложившихся культурных традиций. Вписанность ауканий в пределы пятинной территории не является единственным тому доводом. Некоторые лингвистические данные говорят о той же зависимости (например, выделенные А. В. Дыбо на основе сопоставления показателей из рукописей XIII–XIV вв. и современных диалектологических данных по Новгородчине [Дыбо 1988]). Но мелодии-сигналы как материал для картографического подтверждения подобного тезиса, видимо, более выразительны, чем единицы языка, потому что изоглоссы каждого из показателей,

выбранных автором упомянутой работы, охватывают разные группы пятин (только Обонежскую; Деревскую и Бежецкую с выбросом в Обонежскую; Шелонскую, Деревскую с выбросом в Бежецкую и т.д.), а варианты того или иного сигнального напева неизменно остаются в пределах одной пятинны.

По писцовой книге 1581–1583 гг. Бежецкая пятинна делилась на две половины — Белозерскую, примыкавшую к Мсте, и Тверскую (Удомля, Молдино, Вышний Волочск, Топалки, Смердомля — современное Лесное), располагавшуюся большей частью на том же Мстинско-Моложском междуречье и только у бывшего волостного центра Топалки персходившую на правый берег Мологи.

На большей части Тверской половины (по моложскому левобережью) сохранялся тот же *боровичский напев*, что и на половине Белозерской (Нотное приложение, 1). Но его бытование около Удомли и по речке Съезжа имело особые черты. Здесь о нем — даже в качестве женского сигнала! — говорили не «укачь», а «гойкачь» и могли использовать эту сходную с плачем мелодию [Лобанов 1997] в пастушеском пении грубым голосом.

Однако гораздо более резкой была здесь граница, проходившая не по пятинным половинам, а по водному рубежу Мологи. По ее течению, отступая, как и на Мсте, на несколько десятков километров от водной магистрали, мы находим, с одной стороны, боровичскую женскую традицию ауканий, а с другой — территорию мужской традиции *моложского пастушьего напева* (Нотное приложение, 4). На одном берегу — музыкальные уканья и немзыкальные гойканья, на другом — прямо противоположное соотношение того и другого. И здесь Топалки ничем не отличаются от остальных деревень моложского правобережья, где доминирует пастушеский напев. А выше по течению Мологи мужская пастушеская традиция и упомянутый ее напев проникают на левобережную сторону этой реки и доходят до озер близ истока Мсты (Вышневолоцкий район), словно подковой охватывая территорию женских мелодий-ауканий.

В южной части Бежецкой пятинны членение на половины не отражает, как можно видеть, смены местных традиций, резко различающихся по ту и другую сторону Мологи. Административное деление конца XVI в., продиктованное, вероятно, какими-то податными интересами, не соотносилось здесь с зонами фольклорной традиции, не учитывало, видимо, каких-то этнотерриториальных образований прошлого. Любопытно, что коллективы носителей моложского напева осели возле Козьмодемьянска, основанного, кстати, также в конце XVI в. Не произошло ли это перемещение в результате каких-то событий, обусловивших выявленную несогласованность?

Конечно, сбой в соответствии регионов мелодий-кличей природным и старинным административным рубежам на юге Бежецкой пятинны можно связывать с переселением сюда карел по Столбовскому миру 1617 г., полагая, что моложский напев был принесен сюда этой переселенческой волной из Западного Приладожья. Однако тихвинские карелы того же миграционного потока, обосновавшиеся в верховьях Чагоды [Салохеймо 1995], сейчас являются носителями фрагментарных вариантов боровичского напева. Значит, и в том, и в другом случае карелы-переселенцы, как можно предполагать, усвоили сигнальные бестекстовые напевы и манеру подачи кличей, существовавшие в этих местах до их прихода. Нет ничего похожего на моложский напев и среди известных мелодий-сигналов на государственной территории современной Финляндии [Helmer 1975], к которой земля исконного проживания нынешних тверских карел наиболее близка. Поэтому вторая версия менее убедительна, чем первая.

Итак, обзор земель Бежецкой пятинны в соотношении с территорией бестекстовых напевов приводит к мысли о том, что и в местах совпадений пограничных линий того и иного ряда,

и в местах их несовпадений арсал мелодий все равно прочитывается как сложившийся ранее пятинного деления новгородских земель, известного с конца XVI в.

Лесные кличи на Обонежской пятине

В том, как складывается историко-географическая ситуация с сигнальными напевами на землях бывшей Обонежской пятины, много сходного с Бежичами, но есть и важные отличия.

На правобережье Волхова, где была северная граница Обонежской пятины, и по реке Сясь с ее правыми притоками Воложкой и Тихвинкой вокальные мелодии-сигналы вообще неизвестны. Возгласы, о которых местные жители говорят «укачь», там существуют как простые выкрики, без музыкальной мелодии. Но уже на Паше, соседней реке Восточного Приладожья, начинается район напевного ладожско-вологодского ауканья (Нотное приложение, 5). Хорошо известно оно и на расположенной севернее Паши р. Оять — по крайней мере, выше села Аলেখовщина. Это — западные рубежи ладожско-вологодского ауканья, от которых его арсал простирается далеко на восток, вплоть до притоков Северной Двины.

В район распространения данного сигнального напева входят и земли, где в настоящее время проживают вепсы. Их деревни по сегодняшним сведениям [Кочкуркина 1994], начинаются в верховьях Паши и Ояти (т. е. несколько отступая вглубь от западной кромки ареала рассматриваемого мелодического ауканья) и не доходят на востоке до Белого озера. Современная территория вепсов помещается, таким образом, внутри арсала данного бестекстового напева, не касаясь ни одной из его границ.

Напоминая по конфигурации ядро во внутриклеточном пространстве, вепсская часть ареала ладожско-вологодского ауканья (см. рисунок) все же не является сердцевиной локальной традиции, связанной с этим лесным кличем, зоной его повышенной концентрации. В этом ядре данная традиция живет несколько по-особому: от жителей западно-вепских деревень записан не только данный, но и другие напевы-ауканья. По мере продвижения на восток, уже за пределами современного расселения вепсов, репертуар сигнальных напевов сужается и сводится, в основном, к версиям ладожско-вологодской мелодии. Так же и в западном, и в южном направлениях: за вепским ядром, у кромок ареала ладожско-вологодского ауканья, остается, по имеющимся у М. А. Лобанова материалам, только эта бестекстовая мелодия в незначительно различающихся местных вариантах.

Полевые обследования позволяют утверждать, что обонежские земли оказались неприемлемыми для мелодий-сигналов Бежецкой пятины, и наоборот. В регионах, некогда относившихся к каждой из пятин, сегодня существуют свои собственные сакральные бестекстовые напевы-кличи. Они не влияют друг на друга, их ареалы не пересекаются.

Между территорией боровичских сигнальных мелодий и районом ладожско-вологодского ауканья по рекам Воложке и Тихвинке проходит «пустая» зона, вообще свободная от каких бы то ни было вокальных мелодий-сигналов. Четкость границ здесь удивительна: в верховьях ткущей в Сясь Воложки сигнальные напевы вообще не встречаются, а в верховьях здесь же начинающейся Чагоды, текущей в противоположную от Ладоги сторону и впадающей в Мологу, отчетливо выражена культура мелодий-кличей, характерная для боровичской традиции.

Столь же четко обозначены границы к северу от «пустой» зоны. Расстояние между почти параллельно текущими Тихвинкой и Сясью, с одной стороны, и Пашой с ее левым притоком Явосьмой, с другой, не оставляет подчас и 30 км. Но жители деревень при Тихвинке даже не знают, что неподалеку на Явосьме существуют ауканья с музыкальной мелодией. «Так не воем, не было у нас такого!» — сказали, прослушав с магнитофона

сигнальные напевы, пожилые женщины из д. Врачево на Тихвинке, хорошо помнящие традиционный репертуар.

Тихвинка, как и Сясь, еще в недавнем прошлом была местом оживленного судоходства. С петровских времен осталась на этой речке целая система шлюзов. Но отсюда, как и из других мест активной экономической жизни, традиционная культура кличей отодвинулась в глубь лесной глуши. С этим обстоятельством уже приходилось сталкиваться и делать на него поправки. А на Паше и Ояти, находящихся уже на окраине оживленного в конце I тыс. района Юго-Восточного Приладожья¹ и позднее менее значимых как водные пути, напев ауканья сохранился и по нынешнее время.

По обонежским ауканьям тоже видно, что граница с Бежецкой пятиной не была чисто административной и с обонежской стороны, но фиксировала древние этнокультурные образования. Можно утверждать, что в прошлом весь обширный ареал ладожско-вологодского ауканья соотносился с территорией или одного и того же прибалтийско-финского народа, известного в исторических источниках под различными именами (весь приоятская, заволочская чудь, древние вепсы), или же нескольких родственных племен. Археологические находки в бассейне р. Вага (XI–XIII вв.) с богатейшей коллекцией женских украшений уже надежно доказали бывшее присутствие в этих местах населения, очень близкого современным вепсам [Голубева 1973]. Распространение рассматриваемого напса-сигнала практически от Ладоги до Ваги соотносится со сведениями П. С. Ефименко о том, что в районе бывшего Заволочья еще в прошлом веке оставались деревни, где говорили на чудском наречии, хотя Вологодская губерния, откуда происходили подобные сведения, считалась единой в этническом и языковом отношении [Ефименко 1869].

Южный клин Обонежской пятины, с запада отчеркнутый р. Волхов, а с востока — линией Мсты, Мды и Сяси с ее правыми притоками, свободен от мелодий-кличей (здесь автор основывается не только на своих поисках, но и на отрицательных результатах экспедиций сектора фольклора Российского института истории искусств в Поволховье в 1970-е гг.). По данным исторической демографии В. А. Лапин установил, что эти земли много столетий оставались неосвоенными крестьянским населением в силу опасности жизни вблизи водных артерий, неизбежного разбойного промысла на этих используемых в торговле путях, наконец, в силу нередких племенных конфликтов вблизи Ладоги [Лапин 1984]. А на Сяси к тому же были земли, не пригодные для земледения [Жекулин 1972].

Все это заставляет предполагать, что крестьянство начало складываться не на южном обонежском клине, а на других ближних землях, и междуречье Волхова и Сяси освоило значительно позднее. И если такие достаточно архаичные жанры музыкального фольклора, как свадебные песни или коляды, Поволховье переняло от соседних новгородских традиций, то мелодии-сигналы сюда не прошли. Последние, видимо, были престижными лишь на первых порах формирования крестьянства. А позднее, когда дезактуализировались культы и магические представления, с ними связанные, лесные напевы-кличи оказались способными поддерживаться лишь там, где испокон века существовали, и на новые земли не распространялись.

1

Правда, именно на Паше сохранилось больше всего археологических памятников, свидетельствующих о межэтнических контактах, а следовательно, и о достаточной оживленности этих мест в прошлом [Кочуркина 1989]. Высказывалось также мнение, что на Паше, лежавшей несколько в стороне от тогдашних центров, образовалось монолитное население из пришельцев разной этнической принадлежности [Назаренко 1990].

Лесные кличи и древняя Ладога

Поставить так вопрос позволяет следующий факт, установленный с помощью музыкального анализа: боровичский напев (Нотное приложение, 1), не имея аналогий среди вокальных мелодий-кличей соседних территорий Северо-Запада России и ближайших стран (Финляндия), имеет в то же время близкие варианты в пастушеской музыке Швеции и Норвегии. Эти параллели носят системный характер, не являясь чем-то единичным [Лобанов 1997]. Какова причина подобного сходства мелодий, пространственно столь далеко отстоящих друг от друга?

Как известно, в VIII–XI вв. Поволховье и Юго-Восточное Приладожье составляли центр новгородского протогосударства со столицей в г. Ладога (Альдейгьуборге скандинавских источников).

Считается, что Помостье, в том числе и земли между Мологой и Мстой, не были районом активных варяжско-финско-славянских контактов. Об этнической истории этого края известно немного. Существует гипотеза о жившем здесь (а также и на более широкой территории — от Олонецкой до Ярославской губернии) в ранний период становления прибалтийских финнов, а затем вымершем финском племени, от которого предки современных саамов восприняли язык [Агеева 1990]. Близка к этому и догадка о том, что «по Мсте до славян... обитало какое-то другое, ныне полностью обрусевшее население, говорившее на языке прибалтийско-финского склада, близком теперешнему эстонскому или финскому» [Попов 1981. С. 44]. Ближе к X в. здесь проживало, по-видимому, два этноса, поэтому распространившийся, начиная с VIII в., тип захоронений (археологическая культура сопок) перемешивается с памятниками другой культуры — возводившимися с V в. длинными псковско-боровичскими курганами [Булкин и др. 1978]. Арсалы той и другой уходят на запад от Помостья, занимая значительную часть остальной территории новгородского государства.

Боровичский же ареал вокальных мелодий-сигналов, соотносясь с несколькими достаточно древними этнотерриториальными и административными членениями, не развивается, однако, в том же западном направлении от Мсты, что сопки и длинные курганы, оставаясь в пределах Мстинско-Моложского междуречья. Значит, в своем развитии данные напевы связаны с какими-то другими переживаниями этнической истории на землях между Мстой и Мологой.

То, что этническая ситуация в Помостье имела свои особенности, косвенно подтверждается известным летописным сообщением о походах княгини Ольги в 947 г.: «...иде Вольга Новугороду и устави по Мъсте повосты [погосты. — *Авт.*] и дани и по Лузе [р. Луга. — *Авт.*] оброки и дани» [ПВЛ 1966. С. 29]. Причины, по которым киевская княгиня различным способом утверждала свою власть на разных новгородских территориях (погосты — только на Мсте), предположительно могли быть связанными с разными традициями, разным устройством жизни, наконец, с разными этническими факторами. Тонкое наблюдение К. А. Неволлина о названиях погостов, характерных только для Бежичей [Неволин 1853], свидетельствует, вероятно, об особой, отличной от других земель Великого Новгорода языковой ситуации на землях Бежецкой пятины.

Такие факты при всей их расплывчатости и непроясненности не менее, нежели охарактеризованные выше археологические источники, значимы для историко-географического объяснения того, почему боровичский напев и другие мелодии-кличи этой территории замкнуты в пределах Мстинско-Моложского междуречья. Но все же они полностью не объясняют боровичско-скандинавской музыкальной параллели. И здесь вновь следует обратиться к данным археологии.

Отдельные памятники подтверждают присутствие скандинавов в Помостье. Так, в сопке у одной мстинской деревни были обнаружены вещи (в том числе и скандинавского происхождения), обычные для Ладоги времен похода викингов на Русь на рубеже I–II тыс. н. э. [Конецкий 1989]. А ряд Могильников Мстинско-Моложского междуречья (верхняя Мста, реки Песь, Чагода) содержали обоюдоострые железные ценные предметы, по распространению которых Арбман локализовал район скандинавской колонизации в Приладожье. Подобные находки важны для интересующих нас бежецких земель [Кирпичников 1961¹; Arbman 1962. S. 122, карта 18a]. Все сказанное и убеждает в том, что, имея удобный волок к верховьям Мологи или Тверцы на пути из стран Востока в Новгород [Куза 1975], Мста могла находиться под пристальным контролем скандинавов.

Ближе подойти к объяснению боровичского сигнального напева в его скандинавских параллелях археологические данные пока не позволяют. Но и слишком большая зависимость от них вряд ли продуктивна для устно-музыкального материала. Как заметила С. И. Дмитриева, ареалы явлений фольклора, прошедших многовековую жизнь при постоянно обновляющемся составе носителей, не могут точно соответствовать застывшим источникам по географии археологических культур или летописным свидетельствам [Дмитриева 1975].

Зато мелодические связи между боровичским напевом и его шведскими вариантами, как выше сказано, системны. Это подтверждают более сотни записей, сделанных в боровичском субареале, массив которых на карте четко вписан в пределы естественных и историко-административных рубежей. И это позволяет музыкальной фольклористике самой поставить вопрос перед другими научными дисциплинами об изучении процессов, историко-культурный след от которых воплотился в подобных музыкальных свидетельствах. Свою версию этих событий, возникшую на основе бестекстовых напевов, предлагаю ниже.

Начало времени боровичского напева на Руси может быть приурочено к VIII в., когда возникла экспансия скандинавских бондов-землевладельцев на заселенную редким финским населением территорию будущего Новгородского государства. По приведенным выше мнениям историков, очагом образующегося соседства народов стала местность в округе Ладоги: низовья Волхова, Сяси (непригодные, по мнению В. С. Жекулина, к пашенному земледелию) и других рек. В полиэтническом г. Ладога соседствовали словене, кривичи, местная чудь. Временем около 862 г. датируется их восстание против скандинавов, изгнание варягов: «не даша имъ дани и почаша сами в собе володети» [ПСРЛ 1962. Т. II, стлб. 294].

В эпоху викингов произошел новый прилив скандинавского населения в Ладогу. Полтора века спустя (1020 г.) князь Ярослав дарит Ладогу и ее земли как свадебный подарок шведской принцессе Ингегерд (Ирине), ставшей его женой. В Ладоге устанавливается ярлство, которым правили, по крайней мере, два поколения владетелей. Приток скандинавских колонистов увеличивается. Так, тот же Ярослав, как сообщает исландская королевская сага, предложил некоему скандинавскому конунгу «взять столько земли, сколько ему нужно, чтобы содержать свое войско» (цит. по [Джаксон 1991. С. 76]). А еще примерно через сто лет разгорелась борьба между Новгородом и Швецией за Ладогу и выход к Балтике (1105–1130 гг.).

Борьба местного населения против викингов могла отразиться и на судьбе бондов-колонистов. Не исключено, что из Приладожья, зоны столкновений, пришлые землевладельцы могли быть изгнаны. И в том, что на южной оконечности Обонежской пятины сегодня не

¹ Находки на карте из этой статьи под № 84, 85 соотносятся с территорией Бежецкой пятины.

встречаются мелодии-сигналы, повинна не только история последних столетий (влияние культуры Петербурга, судоходство на Ладожском озере, индустриализация в низовьях Волхова), но и события IX–XI вв.

Возвращаться назад бондам было некуда: в конце I тыс. из Скандинавии происходил массовый отток населения, искавшего по всей Европе новые пространства для жизнедеятельности. Переселенцам на Русь можно было лишь продвигаться из приладожского очага конфликтов, где «прописал» ландам¹ Арбман, в более спокойные места. Весь, бывшая в эпоху викингов активной противницей скандинавов, по всей вероятности просто не пропустила ландам на свои земли. Подтверждает это предположение тот факт, что в ареале ладожско-вологодского ауканья не известны вокальные мелодии-сигналы, сходные со шведскими.

А вот междуречье Мологи и Мсты, отделенное в ту пору от Приладожья неосвоенными территориями, и само оставалось неосвоенным еще несколько столетий спустя, несмотря на наибольшую плотность размещения здесь погостов в XVI в. [Неволин 1853]. Не случайно в XVII в. этот край мог принять тысячи карел, переселившихся сюда по Столбовскому миру 1617 г. С этой точки зрения Мстинско-Моложское междуречье могло быть удобным районом для ведения прочного, передающегося из поколения в поколение крестьянского хозяйства. И самое главное — в XII в. земли Бежецкой пятины еще не входили в список новгородских владений. В Уставной грамоте Святослава Ольговича (1137 г.) они не упоминались, и только столетие спустя были добавлены в этот документ в виде приписок [Куза 1975]. Не могли ли Бежичи привлечь скандинавов и тем, что находились за пределами тогдашнего новгородского государства?

Видимо, на земли будущей Бежецкой пятины переселилось настолько многочисленное скандинавское население, оказавшее культурное влияние на обширную территорию, что пришедшая с ним мелодия-ауканье смогла там развиваться как живое явление устной традиции. Хотя в археологических памятниках на междуречье Мсты и Мологи найдены, как сказано выше, вещи скандинавского происхождения, причем в погребениях знати, следует учитывать, что эти вещи могли приобрести или добыть в бою лица иного этноса. А как же быть с ауканьем? Его не купишь, его надо перенять. И вот это обстоятельство усиливает позиции тех, кто считает, что какое-то время сами скандинавы, а не только их вещи обособались здесь довольно плотно.

Наибольшее же сходство с современной шведской культурой пастушеской музыки наблюдается в лесных кликах в районе около Удомли, где археологами найден один из богатейших памятников, инвентарь вещей которого показывает тесную зависимость от раннесредневековой Ладogi и Скандинавии [Исланова 1997]. Здесь боровичский напев в женском исполнении стал спутником пастбищного труда. Женское пастушество очень типично именно для Швеции, а для России в целом не характерно.

Именно здесь, близ Удомли, обо всех без исключения бстекстовых напевах говорят «гойкать» (ср. шведск. köka, kauka). Лесные же ауканья, в качестве которых тот же напев существует ниже по Мсте, более близки традициям местных прибалтийско-финских народов.

Предложенная версия имеет, однако, свое узкое место: найден также *западно-двинский пастбищный напев* (Нотное приложение, 6), похожий на боровичский и в то же время какой-то другой. Родство как будто бы понятно: в верховьях Западной Двины проходил оживленнейший торговый путь из варяг в греки, контролируемый норманнами. Но регионы

¹ Landnam (букв. взятие земли) — название скандинавского колонизационного крестьянского потока, двигавшегося в VIII–XI вв. в разные страны, и на Русь в том числе.

обоих напевов связаны, как отмечено выше, и с территорией длинных курганов, относимых к V–VIII вв. Узкой лентой тянутся эти захоронения примерно вдоль современной новгородско-тверской границы, достигая Боровичей. Вместе с ними мог достичь Мологи и Мсты и наш напев, но это должно было произойти задолго до появления на Северной Руси новгородских словен и варягов: в литературе было обращено внимание на очень давнюю сформированность белорусского этнокультурного и археологического региона, включая Верхнее Поднепровье и Подвинье [Булкин, Герд 1989], где выявлен западно-двинский пастбищный напев.

Более реалистичной представляется первая версия, но окончательный ответ о второй можно получить, подробно обследуя территорию от Андреополя до Удомли и стараясь узнать, действительно ли культура вокальных мелодий-сигналов пропадает на левобережье Мсты.

И все же вернемся к первой версии. Если и можно усматривать какое-то специальное влияние скандинавского напева на кличи дославянского населения в междуречье Мсты и Мологи, то оно было чрезвычайно кратким, стесненным в промежуток между XI и XII столетиями (завершение политического присутствия варягов на Руси — превращение Мсты в русский край Новгородского государства). Но в местную традицию (где уже не различить скандинавское, финское или еще какое-либо начало) напев этот внедрился очень прочно, через какое-то столь же непродолжительное время перейдя на русскую почву.

Христианизация новгородских земель должна была столкнуться с мелодиями-кличами и обычаями, верованиями, с ними связанными, как с трудно искоренимым пережитком язычества. Но народная традиция сама искала способы узаконить бестекстовые напевы в новой обрядности (например, ауканья в Великий четверг [Лобанов 1997]), хотя это и выглядело довольно неуклюже и церковью, конечно, не было принято.

Такова, в общих чертах, версия исторического пути, пройденного боровичским напевом на новгородских землях. Междисциплинарная проверка ее усилиями историков, археологов, лингвистов окажется продуктивной для всех этих наук, поскольку они будут иметь дело с мощно развитой сетью вариантов. А повторяемость — всегда залог надежности фактов.

В феномене боровичского напева комплекс наук, занимающихся историей Северо-Запада России, получает от музыкальной фольклористики источник, появление которого на Ладоге возможно в VIII в., а перенос на Мсту и Мологу — не позднее XII в. Затем эта мелодия не умерла, не исчезла из бытования, прожив до настоящего времени еще восемь столетий. Для истории русской музыки это пока единственный, уникальный пример, когда по сей день живет напев, который мог звучать в начальный период древненовгородского государства.

Таким образом, судьба вокальных мелодий-сигналов как жанра народной музыки на Северо-Западе России находится в неразрывной связи с тысячелетним периодом в истории народов Северной Европы. Древность, громкий голос традиции, явственно слышащиеся уже в самом первом звуке такой мелодии, поразительным образом уживаются с впечатлением, будто она только-только родилась под влиянием сиюминутного эмоционального всплеска, будто она глубоко субъективна и в высшей степени индивидуализирована.

Литература

- Агеева 1990 — Агеева Р. Страны и народы. Происхождение названий. М., 1990.
Аграрная история... 1971 — Аграрная история северо-запада России: Вторая половина XV — начало XVI в. / Отв. ред. А. Л. Шапино. Л., 1971.

- Булкин, Герд 1989 — Булкин В. А., Герд А. С. К этноисторической географии Белоруссии // Славяне: Этногенез и этническая история. Л., 1989.
- Булкин и др. 1978 — Булкин В. А., Дубов И. Н., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.
- Голубева 1973 — Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.
- Джасаксон 1991 — Джасаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей // Древнейшие государства на территории СССР. 1988–1989. М., 1991.
- Дмитриева 1975 — Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин. М., 1975.
- Дыбо 1988 — Дыбо А. В. Деклинационные различия новгородских диалектов XIII–XIV вв. и их локализация // Балто-славянские исследования. 1986 / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1988.
- Ефименко 1869 — Ефименко П. С. Заволоцкая чужь. Архангельск, 1869.
- Жекулин 1972 — Жекулин В. С. Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972.
- Исланова 1997 — Исланова И. В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего Средневековья. М., 1997.
- Кирпичников 1961 — Кирпичников А. Н. Мечи Киевской Руси // Сов. археология. 1961. № 4.
- Конечкий 1989 — Конечкий В. Я. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития в Приильменье в VIII–X вв. // Славяне: Этногенез и этническая история. Л., 1989.
- Кочуркина 1989 — Кочуркина С. И. Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.
- Кочуркина 1994 — Кочуркина С. И. Карельская и вепсская народности эпохи Средневековья // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов / Отв. ред. О. М. Фишман. СПб., 1994.
- Куза 1975 — Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIV вв. М., 1975.
- Лалин 1984 — Лалин В. А. Фольклоризм на Киришской земле // Традиционный фольклор в современной художественной жизни / Сост. И. И. Земцовский. Л., 1984.
- Лобанов 1997 — Лобанов М. А. Лесные кличи: Вокальные мелодии-сигналы на Северо-Западе России. СПб., 1997.
- Назаренко 1990 — Назаренко В. А. Приладожская чужь // Финны в Европе VI–XV века / Отв. ред. А. Н. Кирпичников и др. М., 1990.
- Насонов 1951 — Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Неволин 1853 — Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI в. // Записки Имп. Русского географического общества. [СПб.] 1853. Т. VIII.
- ПВЛ 1966 — Повесть временных лет. М., 1966.
- ПСРЛ 1962 — Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1962.
- Попов 1981 — Попов А. И. Следы веков минувших. Л., 1981.
- Салохеймо 1995 — Салохеймо В. Рождение Тверской земли // Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов / Сост. М. Йокиппи. Ювяскюля, 1995.
- Arbman 1962 — Arbman H. Vikingarna. Stockholm, 1962.
- Helmer 1975 — Helmer R.-P. European pastoral calls and their possible influence on Western Lithurgical Chant: Diss. Ms. Columbia University, 1975.

Нотное приложение

Напевы Мстинско-Моложского междуречья

1 $\text{♩} = 124$ Боровичский

у у Эу!

2 $\text{♩} = 68$ Пестовский

у

3 $\text{♩} = 192$ Боровичское ауканье

у- у у у у

4 $\text{♩} = 196$ Моложский пастуший напев

э э э э э

5 $\text{♩} = 198$ Ладожско-вологодское ауканье

у- ху ху ху ху

6 $\text{♩} = 100$ Западно-двинский пастбишный напев

Тпрусь, тпрусь, тпрусь, тпрусь, тпрусь, тпру- (у)сь, тпру- фу сень-ки,